

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В ВОСКРЕСЕНЬЕ 31го ОКТЯБРЯ С.Г.

В 7 Ч. ВЕЧ.

СОСТОИТСЯ ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦИЯ

ЧЛЕНА АКАДЕМИИ

Б.В.ФАРМАКОВСКОГО
«О ВАЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ
ПАМЯТНИКОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ»

вход свободный

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДЪЕЗД

ПРОШЛОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В ТРУДАХ ПЕТЕРБУРГСКИХ АРХЕОЛОГОВ
НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

(К 100-летию создания российской
академической археологии)

DOI: 31.600/978-5-85803-525-1
УДК 930.26(081)
ББК Т4я4

*Утверждено к печати Ученым советом Института истории материальной культуры
Российской академии наук*

Рецензенты:

доктор ист. наук Л. Б. Кирчо; доктор ист. наук, профессор А. Н. Киртичников

Ответственные редакторы:

доктор ист. наук Ю. А. Виноградов; доктор ист. наук С. А. Васильев; кандидат ист. наук К. Н. Степанова

П78 **Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии).** — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. — 420 с.: ил.

ISBN 978-5-85803-525-1

Коллективная монография является результатом трудов ведущих ученых Института истории материальной культуры РАН, отражающих основные результаты археологических исследований за прошедшее десятилетие. Она состоит из четырех глав. Серия статей первой из глав посвящена проблемам первоначального заселения территории нашей страны, что связано с новейшими археологическими открытиями на Кавказе, Таманском полуострове, в Крыму, а также в Арктике. Вторая глава охватывает широкий хронологический диапазон — от позднего каменного века до культур древних кочевников (сюнну). Важные проблемы изучения античной культуры Северного Причерноморья раскрыты в третьей главе на материалах раскопок на Таманском полуострове. Одна из статей посвящена участию ученых ИИМК РАН в изучении Пальмиры (Сирийская республика). Статьи, включенные в последнюю главу, характеризуют итоги археологического изучения Северо-Западной Руси, прежде всего двух важнейших городских центров этого региона — Старой Ладоги и Рюрикова городища.

Издание рассчитано на археологов и историков.

The Past of Humankind as seen by the Petersburg Archaeologists at the Dawn of the Millenium (to the Centennial of the Russian Academic Archaeology). — St. Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2019. — 420 p.: ill

The book represents a collection of papers written by the leading scholars of the Institute for the Material Culture History, thus reflecting main achievements in archaeological investigations during the last decade. The volume consists of four parts. The first part includes contributions devoted to the problems of the initial peopling of the territory of our country in the light of recent discoveries at the Caucasus, the Taman Peninsula, Crimea, and the Arctic. The second part embraces a huge time span from the Late Stone Age to the ancient nomadic cultures (Xiongnu). The third part deals with the Classical antiquities of the Northern Black Sea region based on the results of the excavations at the Taman Peninsula. One of the papers is devoted to the activities of the scholars of the Institute in the study of Palmyra (Syria). The last part consists of papers devoted to the archaeological study of the Northwestern Russia, especially the exploration of two important urban centers of the region: Staraya Ladoga and Rurik's Hillfort.

The book is oriented toward archaeologists and historians.

На первой странице обложки:

Афиша лекции Б. В. Фармаковского в РАИМК в 1920 г. (рисунок Г. С. Верейского)

ISBN 978-5-85803-525-1

9 785858 035251

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019
© Коллектив авторов, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Отмечая юбилей: к 100-летию российской академической археологии (В. А. Лапшин) 5

Глава I. В глубины доистории человечества

I.1. С. А. Кулаков. Достижения сотрудников ИИМК РАН в изучении палеолита Кавказа в конце XX — начале XXI века	9
I.2. Е. В. Белыева, В. П. Любин. Новые данные о первоначальном заселении Южного Кавказа (Результаты работ Армяно-Российской экспедиции, 2003–2018 гг.)	18
I.3. В. Е. Щелинский. Начало заселения первобытными людьми территории России: древнейшие раннепалеолитические стоянки Южного Приазовья	27
I.4. Н. К. Анисюткин, С. А. Кулаков. Новые данные о раннем палеолите Крыма	56
I.5. Л. Б. Вишняцкий, П. Е. Нехорошев, А. К. Очередной. Новые данные по хронологии среднего палеолита Восточной Европы (по результатам полевых исследований ИИМК РАН 1998–2018 гг.)	69
I.6. С. А. Васильев, А. В. Поляков, П. Б. Амзараков, Ю. В. Рыжов, Т. В. Корнева, Т. В. Сапелко, Г. Ф. Барышников, Н. Д. Бурова, Е. Ю. Гиря, Г. Ю. Ямских. Палеолитический человек в предгорьях Саян: стоянка Ирба 2 близ Курагино (Красноярский край)	83
I.7. В. В. Питулько. Гонка со временем: в поисках начального этапа освоения человеком Сибирской Арктики	103

Глава II. На просторах Евразии

II.1. О. В. Лозовская. Торфяниковая стоянка Замостье 2: некоторые итоги и перспективы исследований	139
II.2. Н. Н. Скакун, В. В. Терехина, Л. Лонго, И. Е. Пантюхина. Современные трансологические исследования в археологии	157
II.3. В. С. Бочкарёв. К вопросу о периодизации памятников бронзового века юга Восточной Европы	166
II.4. Е. М. Колпаков, В. Я. Шумкин. Сокровища наскального искусства Российской Арктики	171
II.5. А. В. Поляков, И. П. Лазаретов. Современная хронология эпохи палеометалла Минусинских котловин	188
II.6. С. С. Миняев. Актуальные проблемы изучения сюнну	203

Глава III. Постигая классическое наследие

III.1. В. А. Горончаровский. Семибратнее городище (Лабрис) по данным раскопок Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001–2009 гг.	211
III.2. С. В. Кашаев. Грунтовый некрополь Артощенко-2 (V–II вв. до н. э.)	230
III.3. Ю. А. Виноградов. Священный участок античного поселения Артощенко-1	254
III.4. Н. Ф. Соловьёва, С. Л. Соловьёв, Е. К. Блохин, Э. Э. Казаков. Пальмира во времени и пространстве	271

Глава IV. Славяне, скандинавы и финны на Северо-Западе России

IV.1. В. А. Лапшин. Изучение Старой Ладogi: итоги и перспективы	289
IV.2. Е. Н. Носов, Н. В. Хвоцинская. Рюриково городище — выдающийся археологический памятник Древней Руси	303
IV.3. И. И. Еремеев. К вопросу об аграрной скандинавской колонизации в Восточной Европе в раннем средневековье	324
IV.4. А. И. Сакса. Выборг — город на перекрестке истории	348
Литература	379
Список сокращений	417

CONTENTS

Celebrating the jubilee: to the Centennial of the Russian academic archaeology (*V. A. Lapshin*) 5

Chapter I. In the deep human prehistory

I.1. <i>S. A. Kulakov</i> . The achievements of the Institute for the Material Culture History in the study of the Paleolithic of Caucasus in the late 20 th — early 21 st centuries	9
I.2. <i>E. V. Belyaeva and V. P. Liubin</i> . New data on the initial human settlement of the Southern Caucasus (Results of the fieldwork of the Armenian-Russian expedition in 2003 to 2018)	18
I.3. <i>V. E. Shchelinsky</i> . The first human settlement of the territory of Russia: the oldest Early Paleolithic sites in the Southern Azov Sea shores	27
I.4. <i>N. K. Anisiutkin and S. A. Kulakov</i> . New data on the Early Paleolithic of Crimea	56
I.5. <i>L. B. Vishnyatsky, P. E. Nekhoroshev, and A. K. Ocherednoy</i> . New data on the chronology of the Middle Paleolithic of Eastern Europe (based on the results of fieldwork of the Institute for the Material Culture History in 1998 to 2018)	69
I.6. <i>S. A. Vasilyev, A. V. Polyakov, P. B. Amzarakov, Y. V. Ryzhov, T. V. Korneva, T. V. Sapelko, G. F. Baryshnikov, N. D. Burova, E. Y. Giryva, and G. Y. Yamskikh</i> . Paleolithic Man in the piedmonts of the Sayan Mountains: the site of Irba 2 near Kuragino (the Krasnoyarsk region)	83
I.7. <i>V. V. Pitulko</i> . In pursuit of the time: searching for the initial human settlement of the Siberian Arctic	103

Chapter II. In the vastness of Eurasia

II.1. <i>O. V. Lozovskaya</i> . The peatland site of Zamostje 2: some results and research perspectives	139
II.2. <i>N. N. Skakun, V. V. Terekhina, L. Longo, and I. E. Pantiukhina</i> . Contemporary use-wear studies in archaeology	157
II.3. <i>V. S. Bochkarev</i> . Considering the periodization of the Bronze Age of the Southern Eastern Europe	166
II.4. <i>E. M. Kolpakov and V. Ya. Shumkin</i> . Treasures of rock art in Russian Arctic	171
II.5. <i>A. V. Polyakov, I. P. Lazaretov</i> . Modern chronology of the Paleometal Ages of the Minusinsk Depressions	188
II.6. <i>S. S. Minyaev</i> . Contemporary problems in the study of Huns (Xiongnu)	203

Chapter III. Investigating Classical antiquities

III.1. <i>V. A. Goroncharovskiy</i> . The Semibratnee Hillfort (Labris) based on the data from the excavations of the Bosphorus expedition of the Institute for the Material Culture History in 2001 to 2009	211
III.2. <i>S. V. KashaeV</i> . The graveyard of Artiuschenko 2 (5 th to 2 nd centuries BC)	230
III.3. <i>Y. A. Vinogradov</i> . The sacred place of the antique settlement of Artiuschenko-1	254
III.4. <i>N. F. Solovieva, S. L. Soloviev, E. K. Blokhin, and E. E. Kazakov</i> . Palmira in time and space	271

Chapter IV. Slavs, Scandinavians and Finns in the Northwest Russia

IV.1. <i>V. A. Lapshin</i> . The study of Staraya Ladoga: achievements and perspectives	289
IV.2. <i>E. N. Nosov and N. V. Khvoschinskaya</i> . The Rurik's Hillfort, an outstanding archaeological site of the Ancient Rus'	303
IV.3. <i>I. I. Eremeev</i> . Considering the Scandinavian agricultural colonization in Eastern Europe in the Early Middle Ages	324
IV.4. <i>A. I. Saksa</i> . Vyborg, a city at the crossroads of history	348

References 379

List of abbreviations 417

III.1. СЕМИБРАТНЕЕ ГОРОДИЩЕ (ЛАБРИС) по данным раскопок Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001–2009 гг.*

В. А. Горнчаровский**

Аннотация. В статье публикуются результаты комплексных полевых исследований Боспорской экспедиции ИИМК РАН на Семибратнее городище в 2001–2009 гг. Приводится подробный анализ данных раскопок оборонительных сооружений V–I вв. до н. э., укрепленного здания и теменоса, относящихся к позднеэллинистическому периоду. Существенный интерес для изучения этого археологического памятника, связанного с проблемой греко-синдских взаимодействий, представляет информация, полученная в ходе геомагнитной разведки и отбора палинологических образцов.

Ключевые слова: Семибратнее городище (Лабрис), V–I вв. до н. э., оборонительные сооружения, теменос, греко-синдские взаимодействия.

Семибратнее городище площадью около 9 га расположено в 28 км к северо-востоку от г. Анапа (античная Горгиппия) (рис. 1). Своей широкой северной частью протяженностью 360 м оно развернуто к левому берегу Кубани между долинами р. Чекупс и Шапон (рис. 2). История раскопок городища насчитывает уже сто сорок лет. Впервые оно было исследовано в 1878 г. членом Императорской археологической комиссии В. Г. Тизенгаузеном и получило свое первоначальное название по расположенным неподалеку, всего в 3 км к северо-западу, известным курганам с захоронениями синдских вождей (рис. 3). Заложённые по краям городища траншеи выявили остатки оборонительных сооружений высотой около 3,2 м и огромный трехступенчатый «жертвенник» (*OAK за 1878–1879 гг.* С. VIII–IX). К сожалению, никакой дополнительной информации на этот счет не сохранилось. Относительно скромные результаты полевых работ, не получивших дальнейшего развития, все же выглядели достаточно многообещающими. Но даже сорок лет спустя М. И. Ростовцеву оставалось только досадовать по поводу того, «сколько свету пролило бы серьезное расследование (Семибратнего городища. — В. Г.) на быт и культуру синдов...» (*Ростовцев*, 2002. С. 93)¹. И в этом он был абсолютно прав, поскольку Семибратнее городище с наибольшим правом может претендовать на роль их царской резиденции, упомянутой Страбоном (*Strab.* XI. 2. 10).

Планомерные исследования начались здесь только в 1938 г. С перерывами они проводились экспедицией Краснодарского музея под руководством Н. В. Анфимова в течение девяти полевых сезонов, вплоть до 1955 г. (*Анфимов*, 1941. С. 258–267; 1951а. С. 238–244; 1953. С. 99–111). При этом на основании данных раскопок прибрежной части Семибратнего городища, имеющей овальную форму, самый ранний слой Н. В. Анфимов отнес к рубежу VI и V вв. до н. э. Он связал с ним остатки крепостной стены начала V в. до н. э. с прямоугольными башнями, расположенными на расстоянии 15–18 м друг от друга (рис. 4, 5). Их перекрывал мощный зольный слой, возникший в результате пожаров и разрушений, который Н. В. Анфимов датировал началом IV в. до н. э., сопоставив эти наблюдения с событиями военного характера в Синдике, известными из новеллы Полиена

* Исследование проведено в рамках темы государственного задания ФНИ ГАН по теме государственной работы: № 0184-2018-0007 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

** Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Отдел истории античной культуры. E-mail: goronvladimir@yandex.ru

¹ М. И. Ростовцев предполагал несомненную связь городища с одноименными курганами и, следовательно, относил его как минимум к V–IV вв. до н. э. (*Ростовцев*, 1925. С. 352).

Рис. 1. Карта Боспора Киммерийского

о синдском царе Гекатее и меотянке Тиргатао (*Polien*. VIII. 55). Окончательное разрушение ранних оборонительных сооружений городища, по его мнению, произошло в конце того же столетия. Третий строительный период он предложил отнести к концу IV — первой половине III в. до н. э., а последний — ко второй половине III — началу II в. до н. э. В конце I в. до н. э., когда городские постройки уже лежали в руинах, здесь возникло небольшое поселение, просуществовавшее около столетия. Впрочем, местами на городище встречается подъемный материал и более позднего времени, вплоть до раннего средневековья.

Хронологическая схема Н. В. Анфимова и предложенная им этнокультурная интерпретация данного археологического памятника как синдского города оставались неизменными почти пятьдесят лет. Определенные коррективы в них удалось внести благодаря возобновившимся в 2001 г. раскопкам городища, ставшего на девять лет основным объектом работ Боспорской экспедиции Института истории материальной культуры РАН (*Горнчаровский*, 2004. С. 56–60; 2009. С. 150–187).

К этому времени, после случайной находки посвящения боспорского царя Левкона I (389/388–349/348 гг. до н. э.), стало известно древнее название города, которое можно реконструировать как Лабрис. Надпись повествует о том, что царь посвятил здесь статую Фебу Аполлону, «владыке Лабриса», после сражения с Октамасадом, сыном царя синдов Гекатея, «который, лишая отца [его собственной] власти, в сей город ворвался» (см.: *Тохтасьев*, 2004. С. 144–156; *Виноградов Ю. Г.*, 2002. С. 3–22; *Яйленко*, 2004. С. 425–445). Последняя фраза недвусмысленно указывает на особый статус Лабриса в Синдике. Вполне возможно, что местный правитель имел здесь постоянную резиденцию², что способствовало в дальнейшем появлению у синдов элементов государственности раннего типа (*Тохтасьев*, 2001. С. 66).

Возможно, именно в Лабрисе греческими мастерами была налажена чеканка синдских монет (*Смакалова и др.*, 2007. С. 34–36). Поскольку среди них представлены различные номиналы, включая и мелкие, можно сказать, что они чеканились для удовлетворения потребностей местного внутреннего рынка, то есть для ежедневного оборота (*Горнчаровский, Терещенко*, 2015. С. 77–96). Ранее, начиная с А. Н. Зографа, высказывалась мысль о возможности изготовления монет синдов на пантикапейском монетном дворе (*Зограф*, 1951. С. 168; *Тохтасьев*, 2001. С. 68; *Терещенко*, 1999. С. 84–89; 2004. С. 18), но это не согласуется с данными металлографического анализа, поскольку по составу серебра они

² Примером подобного рода отношений является ситуация, сложившаяся в Ольвии, где скифский царь Скил имел «дом обширных размеров и богато устроенный» (*Her. IV. 78–79*).

Рис. 2. Космический снимок Семибратнего городища (Лабриса) из ресурса Google Earth, 2018

Рис. 3. Вид на Семибратние курганы с западной окраины Лабриса

Рис. 4. Раскоп Н. В. Анфимова с остатками оборонительных сооружений Семибратнего городища. Акварель 1955 г.

Рис. 5. Оборонительные сооружения северной части Семибратнего городища (Лабриса).
Реконструкция В. Б. Мартирова

отличаются от эмиссий других боспорских центров (Смекалова, 2000. С. 268).

Излагая далее результаты полевых исследований Боспорской экспедиции, мы в полной мере сознаем, что ряд сделанных наблюдений и выводов носят предварительный характер. Основные работы были связаны, прежде всего, с южной частью городища, имеющей трапециевидную форму. Точные границы ее были определены в результате геомагнитной съемки, проводившейся Т. Н. Смекаловой (рис. 6) в 2006–2008 гг. (*Горнчаровский и др.*, 2010. С. 58–62) и А. В. Чудиным в 2009 г. (*Горнчаровский, Чудин*, 2013. С. 95–98) (рис. 7). Измерения велись с промежутком между линиями 0,5 м и 0,25–0,3 м вдоль по линии. Высота датчика выдерживалась в пределах 0,3 м над поверхностью. Полученная на магнитной карте довольно интенсивная положительная аномалия в виде трапеции, очевидно, связана с заполнением рва шириной около 13 м, образовавшимся в результате обрушения в него сторевших деревянных частей (рис. 8). Не исключено, что они связаны с возведением перед рвом в качестве дополнительного препятствия вала, усиленного стеной из плетней и прутьев с насыпанной между ними землей³. При этом четкость аномалии теряется по линии северо-западный угол «выступа» — середина его восточной стороны. Возможно, причиной этого стала дорога, которая во второй половине XIX в. пролегалла от Семибратних курганов до станции Варениковской и, по словам В. Г. Тизенгаузена, пересекала южную часть городища (*ОАК за 1878–1879 гг.* С. IX).

Там, где к ранней оборонительной стене начала V в. до н. э. в конце второй четверти этого столетия были пристроены укрепления «выступа» южной части городища⁴, магнитная карта дает хорошо различимые отрицательные аномалии, имеющие секционную структуру. Они состоят из двух параллельных линий (на расстоянии около 4 м друг от друга) с перемычками внутри через каждые 6–7 м (помечены стрелками с буквой «А» на рис. 8).

Ширина основания «трапеции» составляет почти 200 м. Длина боковых сторон, расположенных по отношению к нему под углом приблизительно 77°, — около 100 и 130 м. На трех участках — южном, восточном и западном — хорошо заметны утолщения и одновременно увеличение интенсивности аномалии в нескольких точках, которые, видимо, соответствуют башням. На каждой из сторон имеются также «разрывы» шириной около 5 м, фиксирующие расположение ворот. Интересно отметить, что на южной линии обороны таких «разрывов» два, что могло обеспечивать возможность неожиданных вылазок в случае попытки неприятеля прорваться в город в этом месте. При сравнении магнитной карты с результатами дешифровки аэрофотоснимка 1959 г., предпринятой Ю. В. Горловым и Ю. А. Лопановым, прежде всего бросается в глаза несоответствие реконструированных ими прямоугольных контуров оборонительных сооружений в южной части городища (*Горлов, Лопанов*, 1999. С. 172) очертаниям трапециевидного рва. Вероятно, данное обстоятельство можно объяснить тем, что за остатки оборонительной стены авторы дешифровки приняли внешние очертания двух крупных прямоугольных в плане построек (обозначены на рис. 8 буквами «С» и «F»), а за башню у южных ворот — каменное здание, состоящее из двух вытянутых в одну линию помещений (обозначено на рис. 8 буквой «В»). В полном соответствии с правилами греческой фортификации упомянутые строительные комплексы находятся

Рис. 6. Т. Н. Смекалова в процессе геомагнитной съемки на территории городища

³ Ср. реконструкцию подобных оборонительных сооружений: *Марченко, Житников, Копылов*, 2000. С. 76–77, табл. 9, рис. 18.

⁴ *Terminus post quem* в данном случае дает находка в кладке стены башни на восточной линии обороны южной части Лабриса большого фрагмента горла развитого варианта III-V пухлогорлой хиосской амфоры (*Монахов*, 2003. С. 18, табл. 6: 2).

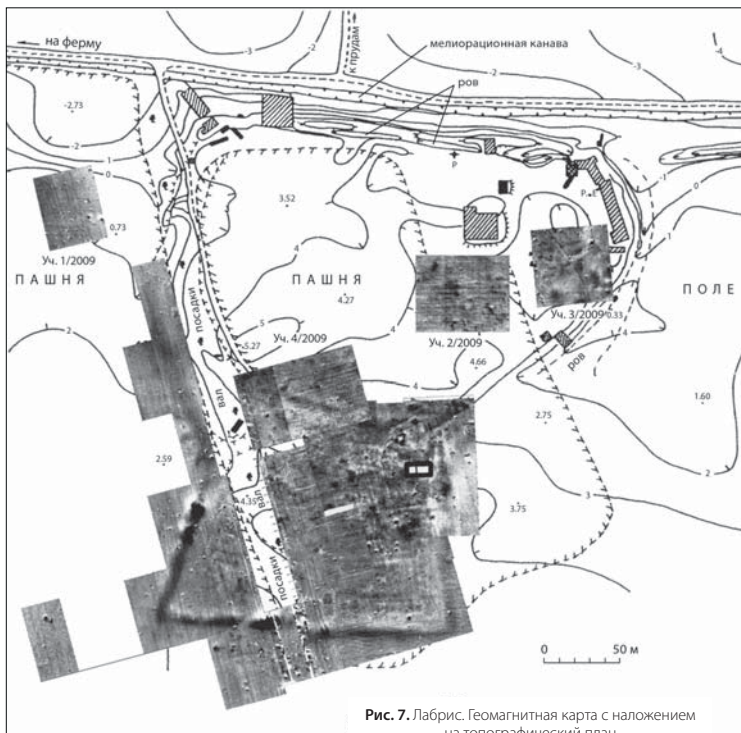

Рис. 7. Лабрис. Геомагнитная карта с наложением на топографический план

на некотором расстоянии от оборонительных стен: по внутреннему периметру оставлен свободный проход шириной не менее 10 м. В нашем случае предпочтительно, безусловно, следует отдать результатам геомагнитной съемки, как более точно отражающим реальную ситуацию.

К сожалению, в 1970-е гг. через западную часть городища с севера на юг прошла лесополоса. При этом южные ворота, башни и ров, очевидно, были сильно разрушены. На магнитной карте связанная со рвом положительная аномалия внутри лесополосы почти исчезает, что свидетельствует о том, что он поврежден глубокой плантажной распахкой. Посадки деревьев в некоторой мере исказили и картину застройки южного «выступа», откуда происходят прекрасно обработанные каменные блоки и архитектурные детали.

Культурные напластования, относящиеся к периоду независимого существования Синдики, были исследованы в южной части городища на участке площадью 120 м² (раскоп I), примыкавшем к внутреннему фасаду восточной фортификационной линии. К ней относятся возведенная на материке прямоугольная внутренняя проездная башня (вскрытая часть имеет размеры 6,5 × 4,9 м) со стенами толщиной до 0,85 м при сохранившейся высоте до 0,94 м и пристроенная к ней лестница (рис. 9). Стены башни имели трехчастную структуру: два панциря из уплощенных, грубо обколотых кусков известняка с забутовкой из плотно утрамбованной глины с примесью мелких камней. Внутреннее помещение, видимо, служило для размещения постоянной стражи, охранявшей вход в город. О долговремен-

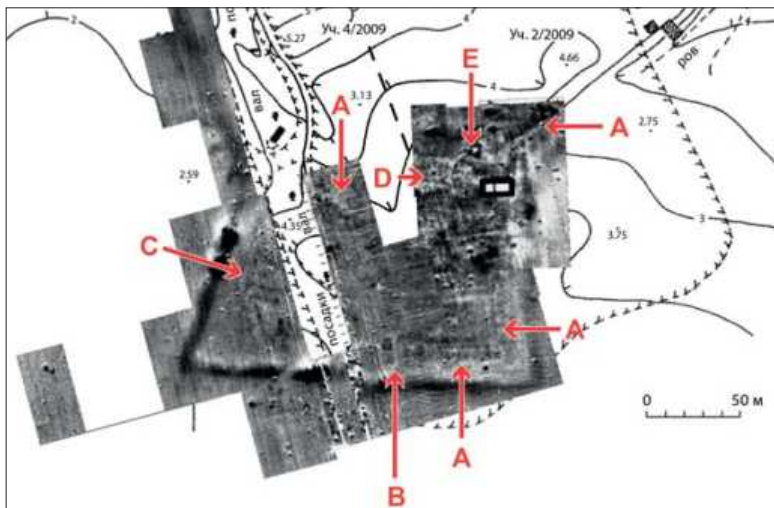

Рис. 8. Лабрис. Геомагнитная карта южной части городища с интерпретацией полученных данных:

A — секционная структура магнитных аномалий в районе крепостных стен; B — каменная постройка, состоящая из двух помещений; C — крупная прямоугольная постройка напротив западных ворот; D — монументальная каменная прямоугольная постройка; E — мастерская по обработке металла

ном присутствии здесь небольшой группы людей свидетельствует сохранившееся в юго-западном углу башни на глинобитном полу горелое пятно от двухкамерного очага прямоугольной формы размерами $0,6 \times 0,55$ м. Над уровнем его основания зафиксированы золотистые прослойки с примесью угля мощностью до $0,37$ м, в которых, помимо обгоревших костей домашних животных, присутствовали раковины мидий и костяные пластинки осетров. Битая посуда, использовавшаяся для приготовления пищи, и бытовые отходы выбрасывались тут же, за стену, в угол между башней и лестницей. Длина основания лестницы составляет $5,4$ м, а ширина — около 2 м. Сохранившиеся четыре нижние ступени имеют угол наклона 30° , что предполагает выход на верхнюю площадку проездной башни на высоте около $3,5$ м. Кладка ее иррегулярная, постелистая, с использованием блоков известняка размерами по фасаду от $0,16 \times 0,1$ м до $0,92 \times 0,16$ м. Аналогичную оригинальную конструкцию с невысокой внутренней проездной башней и примыкающей к ней лестницей имеют только ворота в крепостной стене Пистироа — греческого эмпория во Фракии, расположенного более чем в 300 км от морского побережья (Domaradzki, 1996. S. 18–19, fig. 1: 4, 8; 2: 2; Bouzek, 2006. С. 34–35). Я. Боузек, сопоставляя его укрепления с фортификационными сооружениями Северной Греции, пришел к выводу о том, что они наиболее близки городским стенам Фасоса, а толчком для отправки партии колонистов в глубь варварской территории могло стать поражение восстания жителей острова против власти Афин в 465 г. до н. э. (Bouzek, 1996. С. 44). Возведение в земле синдов на том же хронологическом отрезке времени аналогичных элементов оборонительной линии представляется не случайным. Выплеск городской застройки в южном направлении за линию прежних стен с воротами, которые достаточно четко читаются на карте геомагнитной съемки, мог быть связан с прибытием на берега Гипаниса небольшой группы эпойков, среди которых с некоторой долей вероятности можно предположить присутствие выходцев из фасосских владений. Новые городские кварталы заняли площадь около $2,5$ га, что при средней плотности застройки дает цифру около 130 – 150 домовладений. Не исключено, что с притоком греческих колонистов в своем дальнейшем развитии Лабрис приобрел статус полиса, оставшись, однако, подконтрольным племени синдов в лице их вождей, видимо, получавших от своих греческих

поданных сначала периодические дары в виде дорогого оружия, украшений и предметов роскоши, а затем и фиксированную дань золотом и серебром (ср.: *Златковская*, 1971. С. 127).

Об этническом облике первоначального поселения на месте Семибратного городища пока судить сложно, но, в любом случае, по крайней мере, уже со второй четверти V в. до н. э., город, видимо, существовал как греческий центр в Синдике. Не случайно И. С. Каменецкий отмечал для Семибратного городища «специфически античный набор керамики» (*Каменецкий*, 2003. С. 71). В данном отношении интересны также наблюдения И. И. Вдовиченко, изучившей коллекцию аттической расписной керамики из раскопок Н. В. Анфимова. Она обратила внимание на то, что «основная масса находок относится ко второй половине V в. до н. э.», включая «очень изысканную посуду, расписанную лучшими аттическими мастерами», причем типологически имеющиеся образцы близки к характерным для городских центров Боспора (*Вдовиченко*, 2006. С. 35).

Анализ материалов раскопок 2001–2009 гг. дает для V в. до н. э. следующую картину: среди находок присутствует довольно большое количество фрагментов чернолаковой и расписной керамики (до 7,5 % керамического комплекса без учета амфор), несколько граффити, в том числе $\Theta\epsilon$, а также обломки раковин мидий, традиционно входивших в рацион древних греков. Контакты с местным населением нашли свое отражение в том, что до 24 % керамического комплекса составляют фрагменты лепных сосудов⁵. В дальнейшем, в конце V — первой четверти IV в. до н. э. доля лепной керамики сокращается до 16 % и резко, до 30 %, увеличивается количество чернолаковой и расписной посуды.

Не позднее начала 60-х гг. IV в. до н. э. ранние оборонительные сооружения Лабриса подверглись разрушению, скорее всего, в период войны между Левконом и Октамасадом. С этим событием связан золотистый слой с включениями угля, где часто встречались округлые морские гальки примерно одного размера и веса, которые могли использоваться как снаряды для пращи. Во всяком случае, чечевицеобразный снаряд из свинца весом 55,6 г был найден на том же уровне, в 12 м к западу от оборонительной стены⁶.

В дальнейшем остатки ранних укреплений большей частью были использованы как фундамент для возведения новой фортификационной линии. Внутренний фас ее был вскрыт при зачистке восточного борта раскопа I на протяжении 5,3 м при высоте 1,6 м (рис. 10). Связь между двумя строительными периодами подчеркнута поворотом стены IV в. до н. э. в районе предполагаемых ворот, проем которых шириной около 4 м читается на аэрофотосъемке и геомагнитной карте. На пространстве перед ними со стороны города строительные остатки отсутствовали, за исключением фундамента стены шириной 1,28 м, пристроенной к оборонительной линии вскоре после ее возведения. Назначение этой достаточно мощной кладки можно видеть в том, чтобы сузить подход к воротам со стороны города, оставляя непосредственно перед крепостной стеной пустое пространство.

В конце IV в. до н. э. оборонительная система Лабриса еще раз частично пострадала в ходе военных действий, и он в значительной мере утратил свой статус крупного городского центра. Крепостные сооружения в этот период были реконструированы только в северной части городища, а в южной на слое их разрушения во второй четверти III в. до н. э. был заложен теменос, исследованный на площади около 250 кв. м (*Горичгаровский*, 2007. С. 185–190). Он находился на самой высокой точке городища, занимая вершину и склоны небольшого пологого холма высотой около 3 м, где на распушке в изобилии встречались вывернутые плугом куски известняковых плит (рис. 11). При сдвиге здесь пахотного слоя найден смешанный материал конца IV — I в. до н. э., среди которого можно отметить терракотовую протому женского божества, датирующуюся первой половиной III в. до н. э. (см.: *Денисова*, 1981. С. 34, табл. V, М-42). Ниже, на глубине 0,34 м от современной поверхности, были обнаружены остатки внешней ограды священного участка, вскрытые на протяжении 18 кв. м⁷. Она состоит из уложенных в один ряд массивных блоков пиленого ракушечного известняка размерами от 0,6 × 0,32 × 0,28 м до 1,1 × 0,56 × 0,26 м (рис. 12). Аналогичным образом выглядели остатки восточной ограды ольвийского теменоса конца IV — III в. до н. э. (*Леви*, 1985. С. 74, рис. 62) и ограды священного участка при храмовом комплексе IV — середины III в. до н. э. в Нимфее (*Соколова*, 2001. С. 375, рис. 1).

⁵ Впрочем, тут следует учитывать относительное значение этих данных для количественной характеристики доли варварского населения среди жителей города. Во-первых, имеющаяся статистическая выборка пока еще недостаточна велика. Во-вторых, на начальном этапе развития городской жизни лепная посуда могла изготавливаться в небогатых семьях поселенцев. В пользу последнего предположения свидетельствует проведенный И. С. Каменецким анализ находок лепной керамики с Семибратного городища, демонстрирующей «сознательный выбор форм, близких античному» (*Каменецкий*, 2003. С. 72).

⁶ В этой связи интересно отметить информацию о случайной находке в районе Семибратного городища около десяти свинцовых снарядов для пращи без изображений и надписей (*Скобелев*, 2003. С. 102).

⁷ Судя по данным геомагнитной съемки, она продолжается в западном направлении, по крайней мере, еще на 30 м, вплоть до понижения склона на данном участке.

Рис. 9. Основание лестницы и проездная башня V в. до н. э.

Рис. 10. Лестница V в. до н. э. с возведенной над остатками ранних укреплений оборонительной стеной IV до н. э.

Рис. 11. Скопление каменных блоков на границе пашни до начала раскопок теменоса

Рис. 12. Ограда теменоса на участке двора 1

Верхние грани всех блоков северной ограды теменоса, открытого в Лабрисе, искрошены и несут на себе следы работы плуга в виде косых параллельных борозд шириной 0,07 м. Неудивительно, что наибольшая сохранившаяся высота их всего 0,32 м. К югу от трассы стены теменоса обнаружена частично сохранившаяся выемка из улощенных плит известняка неправильной формы. Она перекрывала большой двор I площадью около 120 кв. м, с которого на уровень восточной части священного участка, перекрывавшей разрушенную оборонительную стену, вела трехступенчатая лестница. В северо-восточном углу двора находились пять ям, три из которых, судя по размерам и форме, предназначались для установки пифосов. Из двух хозяйственных ям наибольший интерес представляет впущенная в слой IV в. до н. э. яма глубиной 1,12 м, имевшая в сечении колоколовидную форму. В ее заполнении наряду с фрагментами фассоских, гераклейских, синопских амфор и легного горшка были найдены разбитая на пять кусков боспорская керамида размерами 0,52 × 0,44 м и обломки костей животных, принадлежавшие двум особям овцы и крупному кабану, есть также створки раковин мидий. Происходящие отсюда же четыре небольших куска кричного железа с губчатой структурой могут свидетельствовать о наличии на территории теменоса железоделательного производства. Ранее подобные наблюдения были сделаны относительно святилища, открытых на Березани и в Ольвии (*Карасёв*, 1964. С. 36; *Русева*, 2006. С. 90–91; *Крутилов*, 2007. С. 195–196). Засыпь ямы № 5 по находке медной пантикапейской монеты (тип: голова сатира — лук и стрела), относящейся к финалу денежного кризиса на Боспоре (ср.: *Шелов*, 1956. С. 217, табл. VI: 66), можно датировать временем около середины III в. до н. э.

Близ устья ямы лежала почти квадратная свинцовая гиля размерами 5,8 × 5,4 × 1,2 см с прощарпанной буквой М (сокр. *μῦα*). Ее вес 419,18 г, что, учитывая некоторые потери веса, соответствует мине эвбейско-аттической весовой системы (*Lang*, 1964. P. 25 ff.). Найденные на дворе I в довольно большом количестве обломки калиптеров и керамид (в общей сложности 1090 экз.), главным образом боспорского производства, скорее всего, относятся к кровле соседних помещений или черепичным навесам. Среди них отметим фрагменты боспорских керамид с клеймом ГОР середины — третьей четверти III в. до н. э. (*Алексеева*, 1997. С. 116, табл. 59: 17) и клеймом ΠΑΙΡΙΣΙΑΔΟΥ времени правления Перисада III (около 185–180 гг. до н. э.) (*Федосеев*, 2012. С. 69)⁸. Здесь же найдены пантикапейские халк 284–275 гт. с надчеканками звезда — горит (*Анохин*, 1986. С. 141, табл. 4: 130), тетрахалк 315–284 гт. до н. э. (тип: голова безородного сатира в плещевом венке — голова льва, осетр) (*Шелов*, 1956. С. 216, табл. V: 61; *Анохин*, 1986. С. 141, табл. 4: 125) и дихалк около 250 г. до н. э. с двумя срубленными литниками.

В северо-западном углу двора I был выявлен проем ворот шириной 3,06 м, ограниченный с двух сторон массивными плитами длиной более 1,3 м каждая. Если судить по наличию в западной из них прямоугольного вырубца, служившего подпятником, ворота имели лишь одну створку. В открытом виде эта створка упиралась в отходящую почти под прямым углом от западного края ворот кладку стены шириной 0,54 м из выложенных в ряд крупных известняковых квадров длиной от 0,42 м до 0,84 м. В ранний период она служила границей двора I с этой стороны и с учетом перепада в рельефе местности имела функцию подпорной кладки.

Только в районе ворот теменоса зафиксированы остатки в значительной мере выбранных стен следующего строительного периода (вторая четверть II — I в. до н. э.), подошва которых на 0,1 м выше основания ограды священного участка. Из них лучше всего сохранилась стена, возведенная перпендикулярно проему ворот и смещившая западную границу двора I на 1,6 м к востоку (рис. 13). Таким образом, ширина входа в него сократилась до 1,3 м, а рядом был оставлен проход длиной 7,85 м и шириной 1,12 м, поворачивавший направо, вниз по склону холма. Он запирался кладкой, от которой сохранился прямоугольный выруб (0,14 × 0,13 м, глубина 0,07 м) под ее подпятник.

К западу от ворот, на 0,24 м ниже, в пределах теменоса выявлен небольшой двор 2, южная граница которого проходила в 5,46 м от внешней ограды священного участка, на центральной оси которого располагался ориентированный по линии запад-восток двухступенчатый алтарь (рис. 14). Хорошо отесанная верхняя плита его размерами 1 × 0,88 м имела высоту 0,27 м. Нижняя ступень алтаря размерами 1,18 × 0,96 м и высотой 0,16 м образована шестью известняковыми плитами. С западной стороны к ней примыкает прямоугольная плита размерами 0,64 × 0,42 м, на которую вставали совершавшие обрядовые действия.

⁸ Рядом с раскопом на распашке был найден фрагмент боспорской черепицы с уникальным клеймом ΒΑΣΙΛΙΣΣ[Η]С («царица») (*Федосеев*, 2011. С. 299–300; *Кап*, 2015. С. 73, № 2328). Если привлечь в качестве аналогии клейма ΒΑΣΙΛΙΚΗ с лунарной сигмой (ср.: *Федосеев*, 2012. С. 94, № 3287–3317 — клейма из Пантикапея и Мирмекия), которые датируются 180–155 гг. до н. э., то клейму ΒΑΣΙΛΙΣΣ[Η]С можно отнести ко времени правления царицы Камасарии.

Рис. 13. Позднеэллинистическая стена, разделившая надвое проем ворот раннего теменоса

Рис. 14. Алтарь в центре двора 2 теменоса

Другие архитектурные сооружения теменоса, синхронные открытым ранее, были обнаружены в 10 м к западу от раскопа I на небольшой искусственной террасе, врезанной в покатый склон холма, укрепленный крупными бутовыми камнями размерами до $0,34 \times 0,29 \times 0,09$ м. При их зачистке найден медный фанагорийский дихалк 250–200 гг. до н. э. (тип: голова бородатого сатира вправо — лук и стрела) (*Зограф*, 1951. С. 246, табл. XLII: 13).

У восточного края террасы находился большой алтарь из массивных известняковых плит (рис. 15). На глубине 0,46 м от современной поверхности сохранилась только нижняя его ступень, размеры которой составили $1,87 \times 1,74$ м при высоте 0,27 м. В первоначальном виде этот алтарь был двухступенчатым, но верхняя плита в данном случае отсутствовала, поскольку оказалась на уровне пахотного слоя и была снесена плугами. Об ее размерах можно судить по сохранившимся подтесам, отстоящим от края нижней части этого сооружения на 0,14 м, т. е. ее ширина составляла около 1,32 м. Внутреннее пространство нижней ступени, заполненное плотно утрамбованной глиной серого цвета с включениями бутового камня, имело прямоугольную форму $1,14 \times 0,62$ м. С западной стороны алтаря находилась служившая ступенькой растрескавшаяся и просевшая плита размерами $1,03 \times 0,35 \times 0,14$ м. Если она располагалась посередине, то длина всего сооружения в целом была около 2,1 м.

К западу от алтаря с помощью геомагнитной съемки были зафиксированы остатки большой прямоугольной постройки, видимо, общественного назначения, шириной не менее 15 м. Здесь, на участке размерами $4,5 \times 2$ м, вскрыт угол здания, стены которого сохранились в высоту всего на один ряд кладки (рис. 16). Здесь находилась вымостка из тщательно уложенного мелкого бутового камня с тремя округлыми выемками диаметром до 1,04 м вдоль северной стены. Отсюда происходит медный пантикапейский дихалк (тип: голова безбородого сатира вправо — протомы крылатого Пегаса вправо), датированный концом IV в. до н. э. (*Анохин*, 1986. С. 140, табл. 3: 112). С восточной стороны ее ограничивала плохо сохранившаяся кладка, между которой и внешней стеной здания был оставлен промежуток шириной 0,79 м. Назначение этого элемента планировки пока неясно. Возможно, кладка использовалась для установки каких-то несущих конструкций.

Пространство между зданием и алтарем шириной 2 м почти целиком перекрывала черепичная вымостка из семи целых, но растрескавшихся и пяти фрагментированных керамид боспорского про-

Рис. 15. Алтарь на террасе в западной части теменоса

Рис. 16. Вымостка из черепиц боспорского производства между алтарем и углом здания в западной части теменоса

изводства размерами $0,53 \times 0,45$ м. Судя по светло-коричневой глине розоватого оттенка с включением слюды и бурых частиц железняка, а также характерным ровным скосом боковых выемок, все они являются продукцией горгиппийских мастерских. На вымостке лежали 127 обломков упавшей черепичной кровли, из которых 23 принадлежали калинтерам и 104 — керамидам, но уже другого типа, чем использованные в вымостке. Остатки упавшей кровли зафиксированы и к северу от постройки на полосе шириной до 1,7 м, в том числе граненый калиптер размерами $0,53 \times 0,125 \times 0,1$ м.

Стоит отметить, что архитектурные сооружения этой части теменоса оказались синхронными открытым ранее двухступенчатому алтарю и ограде с воротами. Как и там, в качестве основного строительного материала использовался хорошо поддающийся обработке привозной ракушечный известняк. Следы перестроек последней четверти III — первой половины II в. до н. э. были выявлены лишь местами.

Судя по данным геомагнитной съемки, ограда теменоса продолжается в западном направлении, по крайней мере, еще на 30 м, почти до основания склона холма. Согласно тем же наблюдениям, протяженность священного участка с севера на юг составляла не менее 40 м. Таким образом, с учетом того, что восточной границей в данном случае являлась линия рва, его общая площадь равнялась приблизительно 2000 кв. м, что не так уж мало в сравнении с достаточно хорошо изученным ольвийским теменосом, занимавшим пространство около 3500 кв. м (Леву, 1985. С. 73).

Хотя ордерных построек на территории раннеэллинистического теменоса пока не найдено, об их наличии здесь свидетельствует обнаруженная в 38 м к юго-западу от раскопа I изрядно поврежденная плугом архитектурная деталь в виде базы полукруглого пилястра ионийского ордера с диаметром основания $0,39$ м (рис. 17). Соответственно реконструируемая высота полуколонны в данном случае составляет около 2,7 м. Можно предположить, что и ранее, в период расцвета Лабриса, на месте теменоса первой половины III в. до н. э. находился крупный культовый центр. В этой связи можно отметить находку в кладке плохо сохранившейся позднеэллинистической стены на дворе 1 вторично использо-

ванного известнякового блока (размеры: $0,97 \times 0,47 \times 0,27$ м) от карниза ионийского храма с рельефным декором в виде полосы ов. Таким образом, высота его несущих конструкций должна была быть не менее 7,5 м. Эту для своего времени, видимо, не единственную постройку, как и более поздний раннеэллинистический теменос, можно предварительно соотнести с культом Феба Аполлона, «владыки города Лабритян». Этот эпитет, известный из найденного на Семибратнем городище посвящения Левкона I, о котором было сказано выше, определенно говорит о наличии здесь крупного культового центра почитания данного божества. Не так давно А. С. Русяева высказала предположение, что Лабрис мог быть основан боспорскими греками именно под эгидой Феба Аполлона (Русяева, 2003. С. 225 и след.). Во всяком случае, судя по всему, ко времени описываемых в надписи Левкона I событий Феб Аполлон уже был божественным покровителем города (Graham, 2002. P. 98).

Рис. 17. База пилястра ионийского ордера (случайная находка)

К северу от раскопа I, за пределами ограды священного участка, на геомагнитной карте находится еще одно каменное здание. Внутри него отмечены объекты, скорее всего, являющиеся ремесленными печами или другими остатками «высокотемпературного» производства. В магнитном поле этот комплекс отразился в виде интенсивных положительных аномалий (обозначен буквой «Е» на рис. 8), возможно, связанных с деятельностью мастерской по обработке металла.

С изучением заключительного этапа существования Лабриса связано исследование северной части раскопа А, где в 1938–1940 гг. было открыто укрепленное здание (рис. 18), датированное Н. В. Анфимовым III в. до н. э. — I в. н. э. С учетом новых материалов нижняя хронологическая граница в данном случае требует корректировки, по крайней мере на стол лет, поскольку ярко выраженный раннеэллинистический материал здесь отсутствует. Самая поздняя найденная здесь монета относится ко времени правления Митридата VIII (39/40–44/45). В ходе раскопок выяснилось, что фундамент монументальной постройки впущен в слой разрушения первой половины IV в. до н. э. На верхней границе его, при отсутствии каких-либо строительных остатков, зафиксировано только несколько очагов и ям, относящихся ко второй половине IV — началу III в. до н. э. На первый взгляд данное обстоятельство свидетельствовало о временном запустении этого района города после бурных военно-политических событий, связанных с его вхождением в состав Боспорского государства. Но исследование более ранних слоев V — первой половины IV в. до н. э. в пределах помещения А того же здания выявило сходную картину. Здесь на довольно ограниченной площади около 30 кв. м было обнаружено 14 хозяйственных ям при отсутствии каких-либо строительных остатков, за исключением обломков глиняной обкладки турлучных построек. В связи с этим можно предположить, что часть территории на северной оконечности городища использовалась не под застройку, а в хозяйственных целях или как убежище с временными жилыми постройками.

Эту картину дополняют данные геомагнитной съемки, проводившейся в 2009 г. А. В. Чудиным на нескольких участках⁹. Южнее раскопа «А», на участке 2 размерами 60×50 м, была выявлена группа положительных аномалий, скорее всего, связанных с частью большого здания, ориентированного по сторонам света. Судя по прослеженным деталям планировки, оно включает двор размерами $14 \times 12,5$ м и примыкающее к нему с севера помещение (или несколько помещений) на площади 12×8 м. Создается впечатление, что здесь имеется либо один большой строительный комплекс, либо несколько крупных, объединенных в один блок домов.

Участок № 3 имел форму квадрата со стороной 50 м. Большую часть его занимает низина овальной формы, заросшая высокой травой и камышом. По ее периметру находятся валообразные возвышения

⁹ Всего к настоящему времени геомагнитной разведкой охвачена территория около 3,8 га, т. е. порядка 45 % площади всего городища.

Рис. 18. Доследование укрепленного здания III в. до н. э. — I в. н. э. на раскопе «А» Н. В. Анфимова

высотой до 2 м. На карте хорошо различимы положительные аномалии, которые могут быть связаны с зольниками или насыщенным продуктами горения заполнением помещений. Имеется каменная ограда, длина которой в пределах исследованной площади составляет 57 м при толщине около 1 м. Ее направление соответствует юго-западной границе отмечавшейся ранее впадины в рельефе местности. По центру впадины отмечен только перпендикулярный ограде развал стены длиной 20 м при ширине 1 м. Интерпретация данного объекта в настоящее время представляется затруднительной. Предположение о связи имеющихся здесь положительных аномалий с зольниками получило дополнительное обоснование в ходе визуального обследования территории к востоку от раскопа «А». В 22 м от него были обнаружены три расположенные рядом грабительские ямы округлых очертаний и глубиной до 1,5 м. Во всех трех ниже уровня дернового слоя мощностью до 0,25 м присутствовала только чистая зола с отдельными включениями мелких фрагментов черепиц, амфор, красноглиняной керамики и костей домашних животных. Из представляющего интерес подъемного материала в выбросах грунта заслуживает упоминания только ножка амфоры, которая относится к варианту I-F I типа родосской керамической тары по С. Ю. Монахову и датируется второй половиной II в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 120, табл. 84: 5). В любом случае, можно сделать вывод о том, что в период функционирования открытого Н. В. Анфимовым укрепленного здания, к востоку от него, на краю заметного понижения в рельефе местности размерами 76 × 74 м, на протяжении достаточно долгого времени сыпалась зола и, следовательно, городская застройка этой части Лабриса на данном этапе отсутствовала.

Интересные данные получены на участке № 4, где четкая и довольно интенсивная аномалия соответствует линии рва шириной около 6 м, а расположенная непосредственно к северу от нее положительная шириной около 7 м — направлению стены, отделяющей северную овальную часть Лабриса от трапециевидной южной. В последнем случае размеры положительной аномалии могут объясняться тем, что в результате многолетней распашки каменная кладка стены постепенно разрушалась, выкрашивалась и распалзлась по полю. Эти наблюдения подтверждают высказанное ранее предположение о двух этапах в развитии местной городской застройки. Выявленная в 35 м южнее рва овальная структура длиной 11 м и шириной около 6 м при наличии в ней следов интенсивного горения, видимо, связана с каким-то ремесленным производством.

Значительный интерес представляет археологический контекст, связанный с доследованием круглой северо-восточной башни второй половины III — I в. до н. э. (рис. 19). Остатки оборонительных сооружений эллинистического периода, к которым она относится, были обнаружены Н. В. Анфимовым

на очень небольшой глубине, почти на уровне современной поверхности. Как правило, сохранность их очень плохая, т. к. крепостная стена толщиной 1,9 м была практически полностью выбрана. Стены башни с внешним диаметром 5 м имели толщину до 0,8 м. Кладка их иррегулярная, постелистая, из грубо обколотых, улощенных кусков известняка, на известковом растворе с примесью мелкого неокатанного песка. Это достаточно редкий случай для того времени, хотя Филон Византийский (III в. до н. э.) рекомендовал применение известкового раствора в кладке фундаментов крепостных стен, а также для тех узлов обороны, которые могут подвергнуться сильному удару врага (*Philo*. Bel. I. 1). Исходя из этого можно сделать вывод об использовании боспорскими военными инженерами новейших достижений эллинистической фортификационной практики.

Можно согласиться с Н. В. Анфимовым, относившим нижнюю хронологическую границу последнего периода функционирования оборонительных сооружений северной части Лабриса ко времени около середины III в. до н. э., но относительно прекращения их существования предложенную им датировку — начало II в. до н. э. — необходимо пересмотреть в сторону ее повышения. Возможно, это событие следует связать с военными действиями Палемона на Боспоре в конце I в. до н. э. По крайней мере, об активной городской жизни в этот период свидетельствует тот факт, что из 59 монет IV–I вв. до н. э., найденных за период работ Боспорской экспедиции в северной и южной частях городища, 16 датируются именно I в. до н. э.

После этого на территории Лабриса местами еще теплилась жизнь, но как военно-административный центр он прекратил свое существование. Возможно, определенную роль в данном отношении сыграло также смещение к северу русла Кубани, ведь процветание города во многом было обусловлено именно речной торговлей, для которой он служил перевалочным пунктом. В период своего возникновения и расцвета Лабрис находился «в непосредственной близости от пролива, т. н. Боспора Кубанского, и имел прямую выход к морю», как минимум, до рубежа н. э. или несколько более раннего времени (*Журавлев и др.*, 2016. С. 21), что объясняет неоднократные находки в культурных слоях городища раковин морских мидий. Окончательно этот пролив обмелел к середине I тыс. н. э., но даже в XVII в. образовавшийся в его южной части Кизилташский лиман был связан с морем и одним из рукавов Кубани (см.: *Челеби*, 1979. С. 49).

Где находился порт Лабриса, пока не совсем ясно. Сначала было высказано предположение, что он располагался рядом с ним, в районе прослеживающейся в рельефе местности небольшой бухты. К сожалению, геомагнитная съемка в этом месте (участок 1) показала полное отсутствие каких-либо строительных остатков. Видимо, его следует искать на расстоянии около 300 м к западу от города, близ устья в настоящее время почти исчезнувшей р. Шапон.

Комплексное исследование Лабриса в рассматриваемый период сопровождалось взятием колонки грунта из культурных напластований южного борта раскопа I для палинологического анализа. Отобранные 14 образцов (каждые 15 см снизу вверх) охватывают почти двухсотлетний период — со второй четверти V в. до н. э. до конца IV в. до н. э.¹⁰ Из слоя светло-серого рыхлого суглинка первой половины III в. до н. э., нарушенного глубокой впашкой (0,45–0,65 м от современной поверхности), образцы не отбирались, поскольку в таком случае полученные данные оказались бы заведомо искажены. В целом картина палеэкологических изменений в районе Лабриса на раннем этапе его существования в V–IV вв. до н. э. выглядит следующим образом:

Вторая — последняя четверть V в. до н. э. В этот период на изучаемой территории растительный покров значительно отличался от современного. Наличие таких пород, как сосна, пихта, ель, говорит о развитии хвойных лесов, тогда как в настоящее время эти породы встречаются на более высоких высотных отметках. Это наблюдение подтверждается присутствием в образцах споровых растений. О значительной увлажненности территории вокруг городища и, соответственно, существовании влажных лугов свидетельствует наличие прибрежно-водной растительности при некотором распространении степных растительных сообществ (ксерофиты). Эта ситуация обеспечивала благоприятные условия для активного развития земледелия, о чем говорят обнаруженные в образцах ударные злаки и сопутствующих им сорные травы. Сопоставляя полученные палинологические данные с имеющимися палеоботаническими материалами по античным памятникам Боспора (*Папкович*, 2016. С. 221–253), можно предположить, что здесь выращивалась пшеница с примесью ржи в качестве сопутствующего сорняка.

Климат был более влажным и прохладным, чем в настоящее время, что может быть связано с развитием фанагорийской регрессии Черного моря. Как известно, регрессивные стадии связаны с похолоданием

¹⁰Заключение по данным палинологического анализа образцов подготовлено Т. В. Сапелко (Институт озерадения РАН) при участии В. А. Горончаровского.

Рис. 19. Круглая башня III–I вв. до н. э. на северо-восточном углу оборонительных сооружений Лабриса

климата, а трансгрессивные — с потеплениями. Исследования анапской пересыпи позволили провести радиоуглеродное датирование имеющихся там отложений и отнести начало фанагорийской регрессии ко времени около 600 г. до н. э. или 2580±80 л. н. (Измайлов, 2005). Продолжительность регрессии оценивается в 200 лет при понижении уровня моря от 6 до 9 м ниже современного.

Первая четверть IV в. до н. э. Растительность все больше приобретает степной характер. Изменился характер лесов, где основной породой становится сосна. Распространение березы может быть связано с усилением антропогенного воздействия. Видовой состав трав говорит о постепенном исчезновении влажных лугов и прибрежно-водной растительности, что косвенно может указывать на повышение уровня моря в начальной стадии нимфейской трансгрессии. В любом случае, климат стал более теплым и менее влажным.

Вторая четверть IV в. до н. э. Дальнейшее изменение растительного покрова говорит об усилении засушливости климата. На смену хвойным приходят широколиственные леса с преобладанием дуба, как наиболее устойчивой к засухе широколиственной породы. Развитие таких лесных формаций и распространение ольшаников в этот период подтверждают исследования прибрежных отложений Азово-Черноморского побережья Таманского полуострова (Болховская и др., 2001. С. 33–36).

Повсеместно распространяются полынно-маревые группировки. Снижается видовой состав разнотравья. Наличие горелой пыльцы и увеличение количества углей и золы в образцах, видимо, связано с пожарами периода военной катастрофы, которую город и его окрестности пережили незадолго до включения в состав Боспорского государства. Косвенным подтверждением этого наблюдения может служить распространение вторичных березовых лесов на следующем этапе развития растительного покрова. Исчезновение культурных злаков можно объяснить неспокойной военно-политической обстановкой и отсутствием в окрестностях Лабриса благоприятных для земледелия влажных лугов из-за постепенной аридизации климата в регионе. Во всяком случае, нельзя отрицать значение этого фактора для снижения антропогенной составляющей развития природной среды. Климат в это время был теплым и сухим при низком количестве осадков.

Середина — третья четверть IV в. до н. э. Растительность все больше напоминает современный растительный покров. После череды пожаров в лесном поясе вновь появляется береза, а также кустарники (ольха, ива). В образцах снова фиксируются спрощаемые сорняками культурные злаки. Возможно, при распространении ксерофитных группировок опять появляются разнотравные луга. На некоторое увлажнение косвенно указывает почти полное исчезновение сложноцветных растений, являющихся сорняками.

В целом полученные по данному разрезу результаты указывают на некоторую зависимость распространения видов семейства сложноцветных от колебания влажности климата. Палинологи уже неоднократно обращали внимание на присутствие чрезмерно большого количества их пыльцы в культурных слоях многих поселений (*Кремецкой*, 1991). В качестве причины этого обычно склоняются к тому, что пыльца сложноцветных наиболее устойчива к различным климатическим изменениям, а ее увеличение связано с усилением хозяйственной деятельности человека. Однако на примере Лабриса мы видим несоответствие пиков антропогенной деятельности и количества пыльцы, скорее наоборот. В таком случае единственное, с чем можно логично связать этот факт, — увеличение сухости климата.

Итак, для этого периода, как и в отношении предыдущего этапа, можно говорить о теплом и сухом климате. При этом условия для развития растительного покрова в связи со стабилизацией военно-политической обстановки становятся более благоприятными.

Последняя четверть IV в. до н. э. Растительный покров этого времени немного напоминает ситуацию, типичную для данной территории в конце V в. до н. э. В лесном поясе вновь появляются хвойные породы, причем это те же сосна, пихта, ель. Наличие хвойных лесов подтверждается развитием споровых. Появляются и широколиственные породы деревьев, такие как дуб и граб. В настоящее время такие леса распространены по всему Черноморскому побережью, непосредственно в береговой зоне, часто выходя на приморские обрывы (*Зернов*, 2006).

Очередной пик увеличения пыльцы сложноцветных в начале рассматриваемого промежутка времени, указывающий, согласно нашим выводам, на увеличение сухости климата, затем резко заканчивается. Одновременно появляются хвойные породы деревьев, что говорит о возрастающем увлажнении климата, при этом более прохладного, чем сейчас. Тем самым создавались условия для достаточно интенсивного земледелия.

Таким образом, расцвет Лабриса и его последующий упадок, помимо военно-политических причин, явно обусловлен влиянием климатических факторов, колебаний уровня Черного моря и изменений гидрологического режима Кубани. Следует обратить особое внимание на то, что приведенное описание растительности носит узлокальный характер, а антропогенная составляющая на протяжении всего затронутого временного интервала более значима, чем природная. Конечно, количества исследованных образцов пока недостаточно, чтобы делать глобальные выводы. Для того чтобы проследить динамику развития данной городской структуры в изменяющейся природной среде, необходимо продолжить работу по проведению палинологических анализов, увязывая полученные результаты с датировкой культурных напластований.

В целом полученные Боспорской экспедицией за девять полевых сезонов результаты позволяют надеяться, что дальнейшее археологическое изучение Лабриса, прежде всего первоначальной городской застройки, может дать существенно новую информацию о раннем этапе греко-синдских взаимодействий и последующем развитии этого региона.